

Татьяна Николаева

Семантико-стилистические изменения в истории русского литературного языка

Studia Rossica Posnaniensia 31, 143-151

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
SEMANTIC-STYLISTIC CHANGES
IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. The evidence of the expressive vocabulary and semantic word-formation changes is given in the article. Moreover, stylistic transformation in modern dictionaries of the Russian literary language is criticized.

Татьяна Николаева, Казанский государственный университет, Казань, Россия.

Своевременное обращение к исследованию вопроса, связанного с семантико-стилистическими преобразованиями в истории русского литературного языка, обусловлено тем, что, несмотря на давний и устойчивый интерес к этой области науки и значительное количество специальных исследований, многие проблемы, связанные с указанной темой, не получили достаточно полного и четкого отражения, а иногда и вообще не были предметом специального обсуждения. Вместе с тем, данная проблема заслуживает серьезного внимания со стороны историков языка: общее положение, что лексика русского литературного языка переживает существенные изменения, должно быть конкретизировано и раскрыто на материале как внешней, так и внутренней истории лексем. Кроме того, нельзя забывать, что лексико-семантические транспозиты – это не только факт исторического развития, но и новые речевые единицы, играющие роль в организации современной лексической системы. Сказанное касается, прежде всего, семантически производных образований, которые не имеют формальных признаков и специфических показателей экспрессивности, однако их экспрессивный потенциал, как правило, осознается носителями языка. Речь идет об эмоционально-оценочных словах, которые весьма употребительны в общеречевом обиходе и воспринимаются как средства, квалифицирующие предметы, явления с положительной или отрицательной стороны и выражающие эмоциональную оценку субъекта речи.

В современном языкознании проблема экспрессивности котируется как одна из кардинальных, но остается „одной из наиболее зыбких, неопределенных областей исследований, т. к. распределяется между стилистикой, семан-

тикой и прагматикой речи”¹. Оставляя дискуссии по этому поводу за пределами наших изысканий², заметим, что семантическое обновление, связанное с трансформацией, ставит актуальные вопросы: о новой внутренней форме слова, о типизации, широте обобщения, об отношении к норме. Вместе с изменением семантической структуры лексем возможна их стилистическая „переквалификация”. В этом плане весьма показательно распространенное в современном русском языке слово *бабки* – деньги. В XVII веке оно использовалось как в единственном, так и множественном числе: в быту крестьяне называли *бабками* несколько составленных конусообразно снопов на поле для просушки: „Анашко Алексеев да Артюшка Никитин [...] с поля и с полянки самосильством своим вывезли жатого хлеба ржи 140 *бабок*” (Д. Олон. зав., 198, 1688). В ершовском *Коньке-горбунке*: „Двух коней, коль хошь, продай, но конька не отдавай. Ни за пояс, ни за шапку, ни за черную, слышь, *бабку*”. Поскольку расчет у крестьян шел не только деньгами, но и хлебом, за словом *бабки* закрепился иной смысл – денежный доход. В XX веке слово стало использоваться в значении ‘деньги’ в воровском жаргоне „сшибать *бабки*” – зарабатывать деньги³, в современном русском языке функционирует в речевой практике, в газетах и журналах 2003 года: „Роман Абрамович с *бабками* и европейцами” („Аргументы и факты”), „рубить *бабки*” („Комсомольская правда”), „получил немалые *бабки*” („Известия”).

Не подлежит сомнению, что сегодня назрела необходимость дать анализ семантико-стилистической транспозиции лексем с учетом целого ряда показателей, свидетельствующих о системности данного явления. Системность, по А.А. Потемне, это „упорядоченность и связь с другими явлениями”⁴. Добавим, что это целостность и единство различных отношений и связей между функционально значимыми языковыми элементами. Сказанное вполне приемлемо для характеристики системности процессов семантической деривации, в чем убеждает целый ряд доказательств, касающихся: а) исторической обусловленности явлений, б) образования обширных лексических групп с устоявшимися узуальными трансформированными значениями, в) грамматической специфики семантизированных лексем, г) параллелизма и взаимодействия двух способов производства новых слов.

Сама потребность в новой лексической единице возникает благодаря сдвигам и перераспределению функций, вызванных как вне-, так и внутрилингвистическими факторами. Известно, что изменение процессов и явлений

¹ В.Н. Т е л я, *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности*, Москва 1991, с. 7.

² См. об этом подробно в монографии Н.А. Л у к о я н о в о й, *Экспрессивная лексика разговорного употребления*, Новосибирск 1986.

³ См. *Словарь московского арго*, Москва 1994.

⁴ А.А. П о т е м н я, *Психология поэтического и прозаического*. В: *Вопросы теории и психологии творчества*, вып. 11(2), Харьков 1910, с. 110.

в обществе находит свое отражение, прежде всего, в лексике. Обратимся к фактам. Представителей массового народного искусства в древнерусских памятниках называли скоморохами (то же – *игрецъ, глумец, игръник*), лексема *скоморох* впервые зафиксирована в *Повести временных лет* под 1068 годом. Однако с принятием Крещения на Руси деятельность скоморохов начала подвергаться преследованию христианской религией, т. к. в ней православное христианство усмотрело отражение языческого культа. Уже в *Рязанской Кормчей* конца XIII века *скоморохъ* используется при перечислении различных колдовских обрядов, противных религиозному кодексу христиан, он и блудник, и мятежник, и колдун, и чародей. Нейтральное слово становится негативно окрашенным, экспрессивным. Эту экспрессивность лексема сохранила и в сегодняшнем употреблении, обозначая лицо, потешающее других своими шутовскими выходками, тем самым объединив в своей семантике древнейшее и приобретенное под воздействием экстремальных факторов семантизированное негативно оценочное характерологическое значение.

Не менее важны и существенны внутренние причины, приводящие к изменению в семантической структуре и стилистической окраске слов. Так, лексема *сухой* в древнерусском языке означала только физическое свойство, качество: ‘высохший, безводный, тощий’ (И.И. Срезневский). Во второй половине XVII века происходит активизация процесса семантической индукции – появляется семантика: ‘холодный, суровый, неласковый, неучтивый’. У А.С. Пушкина: ‘Ты находишь письмо мое холодным и *сухим*’ (П. Вяземскому) с переносным значением ‘лишенный эмоциональности’ (в речи, стиле, манере изложения), что зафиксировано в *Словаре Академии Российской* и *Словаре церковнославянского и русского языка* 1847 года. В послепушкинскую эпоху против подобного употребления выступил журнал ‘Москвитянин’ (1853, № 13, с. 27–28): ‘Стоит ли стараться о том, чтобы передать какое-либо известие в *сухом* очерке? А если бы автору и действительно пришла такая мысль, то едва ли читатели скажут за нее спасибо’. Таким образом, становление новой нормы идет длительно, сложно и небеспрепятственно. В XIX веке *Словарь Академии Российской* фиксирует еще одну новацию: ‘*сухой* предмет’, что послужило основой для актуализации расщепленной дифференцированной семы ‘лишенный чего-л.’, а отсюда – широкая сочетаемость в языке современности: ‘*сухое* вино’ – лишенное сахара, ‘*сухой* закон’ – лишающий права торговли спиртными напитками, ‘*сухое* облако (гроза)’ – лишенное дождя, ‘*сухой* лед’ – лишенный влаги, ‘*выйти сухой* из воды’ – лишиться наказания.

Знание исходного значения слова позволяет понять ошибки, связанные с речевой культурой. Так, в современном русском языке невозможно сочетание *очень замечательный*. Вместе с тем, в литературе XIX–XX веков встречаем: ‘*Очень замечательный* талант’ (И.С. Тургенев о Решетникове в письме к А. Фету); ‘*Этим очень замечательным* и добросовестным писателям’ (Д.И. Писарев); ‘*за-а-мечательно* подлая женщина’ (А.П. Чехов); ‘о берлинских друзьях я мог бы сообщить *очень замечательное*’ (С. Есенин). В тол-

ковых словарях дается довольно большой перечень сем этого поздно возникшего слова, среди которых: а) обладающий каким-либо ярко выраженным физическим недостатком, б) способный замечать, внимательный, заслуживающий внимания, в) примечательный, бросающийся в глаза. Именно на основе последней семы развилось более отвлеченное: „удивительный, незаурядный, превосходный, выдающийся”, тем самым данные атрибуты стали самостоятельными носителями указания на высокую степень качества и перестали нуждаться в его усилении наречием меры и степени.

Подвижность элементов смысловой структуры глаголов, перераспределение в их иерархии приводит к смысловым сдвигам, к изменению дистрибуции и расширению семантики. В этом плане показателен глагол *восхитить*, зафиксированный в текстах XI–XVII в.в. с диффузным значением а) конкретного действия: подхватить, поднять на высоту, выхватить, вынуть, вытащить, похитить, унести, взять, б) абстрактного: приобрести, исторгнуть, избавить от зла, от беды (И.И. Срезневский). В XVII веке глагол малоупотребителен, в основном использование его ограничивается юридическими документами с указанным абстрактным значением. В XVIII веке на основе конкретной семантики наблюдается семантический перенос: у А.Н. Радищева – насильственно похитить – „Если бы смерть тебя не *восхитила* из среды друзей твоих”. Наиболее актуальным для дальнейшей семантизации оказалось значение ‘поднять, вознести на высоту’: „*Восхищенные* наверх, они стремглав упадут” (Д.С. Аничков). Расширение лексико-семантических связей: „субъект действия – отвлеченные понятия”, относящихся к области чувств, мыслей (страсти, восторги, радость, веселье): „ими (истинами) человек *восхищается* и возносится до высшего царства духовного” (Н.И. Новиков), привело к появлению семантической новации – особое эмоциональное состояние человека: „восторг все чувства *восхищает*” (М.В. Ломоносов). Отсюда – *восхитить* – ‘вызвать чувство радости, восторга’, что зафиксировано в 60–70 годы XVIII столетия в литературе: „Искусство *восхищает* знатоков” (Н.М. Карамзин), „Ничто в Петербурге меня так *не восхищало*, как театр” (Д.И. Фонвизин). Пережив процессы семантической трансформации, исконно нейтральная лексема *восхищать* приобрела экспрессивную окраску.

Глубокая системная связь семантических процессов сказывается на формировании фразеологии. В современном русском языке фразеологизм *пройти огонь и воду*, с точки зрения эмоциональной оценки, является двузначным, энантиосемичным. Но для того, чтобы понять, почему появилось это двойственное значение, необходимо обратиться к истории. В языке XIX века происходит процесс развития эмоционально-оценочного значения, при этом происходит расслоение семантики и эмоциональной оценочности в зависимости от пола лица, по отношению к которому употребляется фразеологизм: а) положительное по отношению к мужчине: ‘много видеть и испытать, быть опытным и бывалым’: „Душой общества являлся Ястребов, как бывалый и опытный человек, прошедший сквозь огонь, воду и медные трубы” (Д.Н. Мамин-

-Сибиряк, *Золото*), б) негативной характеристики по отношению к женщине: „Сближение с падшей женщиной, прошедшей огонь и воду, – это зло, особенно для такой нетронутой натуры, как он” (Вс.М. Гаршин, *Надежда Николаевна*).

В современном русском языке зафиксированы энантиосемичные значения: о человеке, „приобретшем в ходе трудной и сложной жизни большой жизненный опыт, иногда о человеке с не совсем безупречным прошлым – в качестве отрицательной оценки”⁵. Те же противоположные значения, обусловленные историческими изменениями, можно отметить у таких фразеологических сочетаний, как *голыми руками не возьмешь, перевернуть вверх дном, подливать масла в огонь, из молодых да ранний* и др. В художественной литературе двусмысленность фразеологизмов нейтрализуется писателем путем введения в текст синонимического ряда, состоящего из слов и сочетаний, которые своими дифференцирующими признаками соответствуют сложившемуся образу, тем самым автор добивается точности в передаче основного характерологического признака героя: „Этот человек опытный, себе на уме... это – *тертый калач*, который знает людей и умеет ими пользоваться” (И.С. Тургенев, *Певцы*). Или: „Не слышал, чтобы такие *тертые калачи*, эти-кие стреляные воробьи исправлялись” (К. Федин, *Первые радости*).

Для доказательства системности трансформированных значений необходима достаточно большая группа экспрессивных производных лексем с устоявшимися узуальными значениями с учетом системных связей производящих значений. Подобную лексико-семантическую группу образуют существительные, созданные по модели: „продукты питания, блюда – характеристика человека”: *кашаня, кисель, размазня, тюря, винегрет, крошка, изюминка, сливки*.

Специфика грамматических показателей для производных экспрессивных лексем – также убедительное доказательство их системности. Так, глагольные семантические дериваты а) теряют возможность образования видовых коррелятов: *раскусить* – ‘понять человека’, но *раскусывать, вкалывать* – ‘много работать’, но *вколоть*, б) теряют возвратное значение: *расписываться* в беспомощности, *намыливаться* – ‘намереваться убежать’, в) приобретают переходность: *прохлопать* – ‘упустить что-то’, сравните – *прохлопать* в ладоши, *продуть* деньги, но *продуть* ветром, г) утрачивают переходность: *трубить* – ‘работать, трудиться’, но *трубить* мелодию и т. д.

Говоря о системном характере семантического словообразования, мы должны иметь в виду главное – его параллелизм с морфологическим способом производства новых слов, который проявляется, прежде всего: 1) в существовании и регулярности моделей, по которым создаются словообразовательные типы, что ярко демонстрирует как именная, так и глагольная лексика: при морфологическом способе это модель „предмет-лицо”: *трактор* – *тракторист*, *гардероб* – *гардеробщик*, при семантическом: *кукла* ‘игрушка’ –

⁵ Р.И. Яранцев, *Словарь-справочник по русской фразеологии*, Москва 1989.

кукла 'о пустой, бездушной женщине', *кремень* 'минерал' – *кремень* 'человек с сильным характером'. Регулярность глагольных моделей обнаруживается при морфемном словообразовании: конфиксальные производные со значением действия, направленного на лишение того, что указано в производящей основе: *обезводитить*, *обезлесить*, *обезденежить*, *обескровить* и т. д. При семантическом словообразовании в современной разговорной речи регулярны модели: а) из сферы обыденных физических действий лица в область человеческих поступков: *врезать* (замок) – *врезать* (ударить, выпить), б) из сферы процессов окружающего мира – в сферу действий человека для характеристики его поведения: *загреть* (потерпеть неудачу), *булькать* (пить, выпивать), в) из сферы бытового поведения – в сферу психологических состояний: *врезаться* (влюбиться), *переваривать* (терпеть кого-нибудь).

2) Одно из основополагающих понятий в системе словообразования – словообразовательное значение, которое носит типовой характер. При морфологическом словообразовании оно определяется у ряда одноструктурных образований и составляет словообразовательный тип: *картофельный* – *картофель*, *бархатный* – *бархат*, *железный* – *железо* – сделанный из того, что указано в производящей основе, или *учитель* – *мучитель* – *предатель* – *покупатель* – 'лицо по действию'. При семантическом способе *белая стена* – *белая зависть* (признак цвета – признак эмоционально-оценочный) образованы новые производные: *розовый шарф* – *розовые мечты*, *голубой бант* – *голубые грезы*, *зеленая трава* – „*зеленая*” *молодежь*. Иногда факты убеждают в адекватности типового словообразовательного значения двух словообразовательных способов, например, значения орудия: *удлинить* – *удлини-тель*, *считать* – *счет-чик*, при семантическом способе *кишка* (физиологический орган) – *кишка* (труба), *конь* (животное) – *конь* (спортивный снаряд). Особенно показательны в этом плане антропонимы: „Яблочные *горбачевцы* противостоят *ельцинцам*” (радиопередача *Из России с любовью*). Сравните: „А придет новый *Горбачев*, распустит Федерацию, и останемся мы где-нибудь в Вологде” (В. Жириновский) – общее значение: негативная оценочность лиц, обозначающих либо последователей, либо сходных по признакам с тем, кто указан в производящей основе.

Весьма существенным показателем системности семантического словообразования является его взаимодействие с морфемным, которое наиболее явно проявляется в следующих случаях:

1. Морфологически производные слова способствуют переосмыслению возникшего слова: „Все эти *Гайдарики* – одна команда разрушителей”, „У него – сильная *кондрашка*”.

2. Морфемный и семантический способы способствуют возникновению синонимии между производным и производящим: *борода* – *бородач*, *флейта* – *флейтист*, *барабан* – *барабанщик*.

3. Процесс дестимологизации при морфологическом способе – всегда результат семантического словообразования: *опешить* – *пеший* – лишиться коня – прийти в недоумение, *охомутать* – надеть *хомут* – заставить жениться.

Прав был В.В. Виноградов, когда писал: „Вопросы семантического словообразования у нас почти не были предметом историко-лингвистического исследования. И это обстоятельство самым плачевным образом сказывается на теории и практике лексикографии”⁶. Действительно, при возникновении новаций с экспрессивной окраской неизбежно встает вопрос о фиксации и стилистической маркированности их в словарях, что является ахиллесовой пятой нашей современной лексикографии. Это связано со многими причинами. Современные лексиконы а) выходят нерегулярно и не успевают за речевой эволюцией, б) испытывают сложности, вызванные неоднородностью семантической структуры слова, контекстуальной обусловленностью, размытостью стилистических рамок, что влечет за собой трудности при решении вопроса о включении (невключении) характерологического признака, на базе которого происходит трансформация семантики слова, а потому вообще не указывают вторичные значения, в) нередко помещают в силу лексикографической традиции в качестве первого, основного значения, устаревшие и т. д. Кроме того, лишены определенности сами номинации – стилистические термины, которые американские ученые квалифицируют как „размытые, неопределенные, смутные”⁷.

Основное противоречие, считает Г.Н. Скляревская, приводящее к непоследовательности стилистических помет: в словаре лексема получает оценку по функциональному признаку. Вместе с тем, в основе стилистических различий должно было бы лежать противопоставление комплексов признаков, принадлежащих разным стилистическим рядам и воспринимаемых по контрасту друг с другом⁸. В самом деле, если попытаться проанализировать экспрессивную лексику, возникшую путем семантической метафорической трансформации, то получится довольно архаичная картина стилистической квалификации лексем. Так, в МАС и Словаре Д.Н. Ушакова: *лиса* – ‘хитрый человек’ – разговорное, а *щенок* – просторечное, *болван* – ‘тупой, ограниченный человек’ – разговорное, но *сапожник* – ‘неумелый, делающий брак’ – просторечное, *каша* – ‘путаница в голове’ – разговорное, но *петрушка* – ‘что-то странное, нелепое’ – просторечное. Нетрудно видеть, что все приведенные слова обладают рядом общих признаков: конкретизация семантики, пейоративность, характерологическая сниженность, бытовая сфера употребления и др. Если допустить, что за критерий стилистической дифференции разговорное – просторечное выбрана степень экспрессии, то этот показатель весьма субъективен. Само понятие „разговорная речь” включает большую „амплитуду коле-

⁶ В.В. Виноградов, *Вопросы современного русского словообразования*. В: *Избранные труды*, Москва 1951, с. 156.

⁷ И.Р. Гальперин, *Проблемы лингвостилистики*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. IX, Москва 1980, с. 5.

⁸ Г.Н. Скляревская, *Еще раз о проблемах лексикографической стилистики*, „Вопросы языкознания” 1988, № 3, с. 84.

баний”. Кроме того, возникает необходимость в уточнении номинации „просторечие” – что это: лексический слой, вынесенный за границы литературно нормированного употребления, или намеренное, стилистически маркированное средство. Необходимо иметь в виду, что термин „просторечие” до А.С. Пушкина – это народно-речевая стихия, используемая писателями в качестве приема стилизации, изображения народности, этнографического раскрашивания, характерной приметы жанра, оно выступало как нарочитое отклонение от литературной нейтральной нормы, как характерологический, художественно обусловленный прием. После А.С. Пушкина и благодаря ему роль „просторечия” качественно иная, и поэтому данный термин не может характеризовать языковую ситуацию нашего времени. Таким образом, сам метод стилистических квалификаций становится сомнительным. Как кажется, целесообразно отнести литературное просторечие к разговорному пласту, а меру экспрессии, эмоциональности отмечать особо.

Говоря о неупорядоченности в отношении стилистической маркированности в современных словарях, нельзя не обратить внимания на следующее. В последнее время на читателей обрушился поток лексиконов русского мата. Один из них – *Толковый словарь. Русский мат* – вышел в Москве в издательстве „КОЛОКОЛ–ПРОГРЕСС” вторым изданием, его составитель – профессор Татьяна Ахметова, которая завершает введение патетическим обращением к читателю: „Вы держите в руках толковый словарь *Русский мат*! Помните, что в нем только матерные, похабные, нецензурные слова. Иных вы не встретите!”. При знакомстве с данным словарем (тематический подбор лексем и особенно уровень их интерпретации не выдерживает критики, поэтому оставляем их без комментариев) мы обратили внимание на то, что словарь содержит значительное количество слов, не имеющих никакого отношения к нецензурным, за пределами литературной нормы, а представляющих пласт либо нейтральных, включающих медицинские термины, производных, либо эмоционально оценочной, семантически производной лексики, которая сегодня весьма употребительна в обиходной речи и в большинстве случаев зафиксирована в словарях русского литературного языка с различного рода пометами и с адекватными значениями, данными в словаре Т. Ахметовой, но с иным уровнем культуры их толкования⁹: *голубой* – ‘человек нетрадиционной сексуальной ориентации’, *кобель* – ‘о похотливом мужчине’, *холодная* (фригидная) женщина, то же – *деревяшка*, *сука* – ‘о продажной женщине’, *сукин кот* – ‘мерзавец’, *сукин сын* – ‘негодник’, *говнюк* – ‘никчемный человек’, то же – *дерьмо* (в словаре Г.Н. Складневской – *дерьмократ* – контаминация *дерьмо* и *демократ*), *отлить* – ‘пойти в туалет’ (очевидно, заимствовано из словацкого) и др.

⁹ В. Д а л ь, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 1978–1980; *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, Москва 1975–1996; *Словарь русского языка в 4-х тт.*, под ред. А.П. Евгеньевой, Москва 1981–1984; *Толковый словарь русского языка конца XX в.*, Санкт-Петербург 1998.

Факт неправильной стилистической фиксации еще раз свидетельствует о необходимости основательного изучения процессов семантической деривации, в том числе ее продукта – эмоционально-оценочной лексики с точки зрения ее статуса, этимологии, семантической трансформации, сферы функционирования, изменения в стилистической маркированности. Таким образом, доказывая реальность функционирования семантического способа словообразования и как его результата – появления экспрессивных новообразований, мы тем самым говорим о важности его признания в общетеоретическом плане, о разностороннем подходе к словообразовательному процессу, что, несомненно, будет способствовать целостному анализу словообразовательной системы языка.